

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В ПОЗИЦИОНИРОВАНИИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

А.В. Михалева,
Отдел по исследованию
политических институтов
и процессов ПНЦ УрО РАН

Исследуется влияние исламского фактора на позиционирование российских регионов через призму их репрезентации и региональной политики. Предлагается несколько идеально-типических моделей позиционирования регионов с учетом исламской составляющей.

Ключевые слова: региональная идентичность, ислам, конструирование идентичности.

Современное социально-экономическое развитие России характеризуется усилением межрегиональной дифференциации, поиском новых моделей развития, конкуренцией за ресурсы, людей и инвестиции. В этой борьбе поиск оригинальных идей в имиджевой политике становится важным фактором для получения конкурентного преимущества. Отдельные субъекты РФ все чаще используют религиозный ресурс, в том числе и исламский, для позиционирования как на российском, так и на международном уровне. При этом трактовки и интерпретации религиозной традиции могут отличаться в зависимости от культурно-исторического, географического и политического контекста отдельных регионов. Разнообразие существующих практик включения исламской составляющей в маркетинг территорий обуславливает необходимость выявления закономерностей, общего и особенного, т.е. выделения определенных моде-

лей позиционирования. Проблемой в данном случае является поиск нового осмысления совместимости религиозных и светских контекстов в имиджевой политике регионов. Так, опыт стран третьего мира дает возможность по-новому осмыслить теорию модернизации, которая настаивала на неизбежности секуляризации и вестернизации обществ в ходе модернизационных процессов, и совместимость в частности ислама с принципами современной демократии, гражданского общества и плюрализма. Практика показывает, что исламский фактор может играть значимую, а иногда и ключевую роль как в глобальном, так и в региональном масштабе, поэтому анализ механизмов конструирования исламской идентичности и манипуляций с ней занимает важное место в рамках политической науки.

В зарубежной науке разработкой проблематики, рассматривающей ислам с точки зрения имиджевых стратегий ре-

гионов, занимаются исключительно в контексте маркетинговых исследований (P. Temporal, S. Al-Harran, A. Alserhan). В силу культурно-исторической традиции, инертности сложившихся исследовательских подходов в российском исламоведении маркетинговый анализ еще не получил широкого применения. Отдельные аспекты государственно-исламских отношений раскрываются через историю исламской традиции в субъектах РФ (А.Б. Юнусова, Э.Ф. Кисриев, В. Черновская, В.В. Семенов, Д.З. Хайретдинов, и др.), изучение ее роли в общественно-политической жизни страны (А.В. Малашенко, Р.Г. Ланда, Р.А. Силантьев, Ф.М. Мухаметшин) и проблемы исламизма (А.В. Малашенко, А.А. Игнатенко). Параллельно вопросами создания и поддержания идентичности на региональном уровне активно занимаются этносоциологи и политологи (Л.М. Дробужева, Л.В. Сагитова, Р.Н. Мингалеев, В.Я. Гельман, Р.Ф. Туровский, Ф.Д. Трахтенберг, А.М. Карпенко, С.П. Поцелуев, В.А. Ачкасов), однако и здесь конфессиональный аспект, как правило, уступает место этническому. До сих пор политологические исследования, анализирующие ислам в имиджевой политике регионов, остаются редким исключением¹.

В рамках заявленной проблематики представляется целесообразным предложить классификацию субъектов РФ с учетом исламского компонента в имиджевой политике регионов, что позволит восполнить имеющиеся в социальных науках лакуны по вопросам практического взаимодействия исламских и государственных акторов на региональном уровне.

В качестве единиц сравнительного анализа были взяты мусульманские (Чеченская республика, Республика Татарстан, Республика Дагестан) и немусульманские регионы России (Пермский край, Тюменская область, Красноярский край, Саратовская область, Республика Алтай, Омская область, Ульяновская область,

Санкт-Петербург, Архангельская область, Псковская область) с разным уровнем социально-экономического развития и историческими особенностями становления региональных сообществ (Северный Кавказ, Русский Север, Урал, Сибирь, Поволжье). Подобный подход позволил сочетать принцип поиска сходств при максимальных отличиях систем и принцип поиска различий при максимальном сходстве анализируемых случаев.

Оставляя за рамками данного исследования проблему гетерогенности ислама в России с разнообразием этнических, конфессиональных измерений в различных региональных сообществах, попытаемся обозначить самые общие тенденции взаимоотношений политической и мусульманской элит в регионах. В зависимости от степени актуализации ислама (культурно-символическое наследие, институционализация регионального ислама, активность исламских лидеров, развитие исламской инфраструктуры) и его включения в общественно-политические процессы на региональном уровне (административная и финансовая поддержка мусульманских мероприятий, совместные проекты и программы, конструирование пантеона региональных мусульманских героев и праздничных дат и т.д.) можно выделить несколько идеально-типических моделей позиционирования субъектов РФ с учетом исламской составляющей:

- 1) регионы с сильной исламской компонентой и ее стратегическим выражением;
- 2) со слабой исламской составляющей при активной стратегической политике;
- 3) с сильной исламской культурной компонентой и слабой стратегической политикой;
- 4) со слабой исламской составляющей и слабым стратегическим курсом.

Предложенная типология не универсальна, однако она позволяет расширить и углубить понимание политических процессов на локальном уровне. В реально-

¹ В рамках озвученной проблематики выполнено исследование А.В. Михалевой и М.В. Назукиной, поддержанное грантом Президента Российской Федерации в 2010–2011 гг. (МК-3809.2010.6).

сти религиозная ситуация в конкретных регионах может отличаться большей сложностью и переплетением характеристик нескольких типов.

К первому типу в предложенной классификации можно отнести такие регионы РФ, как Республика Дагестан, Республика Татарстан и Чеченская республика. Несмотря на декларируемый светский характер республик, в реальности ислам является одним из определяющих факторов позиционирования этих регионов, что отражается и в их официальной символике. Давние традиции ислама на территории этих субъектов позволили не только накопить огромный культурный материал, но и развивать свои региональные исламоведческие школы. В регионах этого типа сложилась развитая исламская инфраструктура: специализированные магазины товаров народного потребления и продовольствия, медицинские компании по оказанию услуг согласно нормам шариата, исламские туристические маршруты и т.д.

Каждый из регионов подчеркивает свою особую историческую роль в распространении ислама в России и претендует на исламское лидерство не только в российском, но и в мировом масштабе. Данный тезис можно проиллюстрировать примером Чечни, где в 2008 г. открыли новую мечеть «Сердце Чечни», призванную стать «одной из лучших в мире» [7] и, возможно, новым символом России 2013 г. Уровень развития исламской инфраструктуры в этих регионах позволяет перейти из количественной в качественную плоскость решения данного вопроса – внести креативный компонент в конкурентную борьбу за оказание исламских услуг. В то время как Чечня осваивает статус законодательницы исламской мировой моды², Дагестан сделал ставку на открытие мусульманского пляжа (2011 г.), Татарстан – на мусульманское такси (2009 г.).

В то же время институциональный ди-

зайн официальных исламских организаций стремится к однородности. Если в Чечне интересы мусульман представлены единственной духовной структурой – ДУМ РЧ, то в Татарстане не достигнуто организационного единства, однако и здесь наметилось сближение конкурирующих организаций ЦДУМ и ДУМ РТ, которые в 2012 г. подписали соглашение о сотрудничестве.

В вышеназванных регионах первой группы сложилось относительно тесное и эффективное сотрудничество с властью: представители политической элиты сами являются носителями исламской традиции, а потому интересы мусульман лоббируются на самом высоком уровне. По словам лидера Чечни: «Ни одно значимое мероприятие госструктур республики не проходит без участия представителей ДУМ ЧР» [1]. Одним из ярких подтверждений конструирования региональной идентичности на исламской основе является политика региональных властей в отношении памятных дат и праздников [5].

Несмотря на то, что в регионах этого типа мы говорим о высокой степени включения исламской традиции в имидж региона, внутри этой группы ориентация власти на религиозные символы может быть различной. Если в Чечне Центр отдал инициативу по конструированию региональной идентичности, в том числе исламской, Р. Кадырову и абстрагировался от сомнительных инициатив, например, с повсеместным введением исламского дресс-кода, то в Дагестане мы наблюдаем несамостоятельную и неавторитарную позицию местной власти, где давление и контроль Центра оказывается более существенным и инициативы местной власти заметно ограничены. Поэтому государственно-исламские отношения в Дагестане можно охарактеризовать как активные, довольно тесные, но в то же время выборочные по своему объекту направленности и пока малоэффективные с

² В марте 2012 г. на первом зарубежном показе исламской коллекции основательница Дома моды Firdaws Медни Кадырова обозначила перспективы развития своего бизнеса: «Я уверена, что показ в Дубае – это первый шаг к покорению мира моды на Ближнем Востоке». См: [6].

точки зрения консолидации регионального сообщества.

Что касается перспектив развития, то регионы этого типа будут дальше развивать свою исламскую составляющую, определять исламский климат в стране и расширять сферу исламских услуг. Они останутся объектом пристального внимания государственных органов, которые рассматривают их в качестве очагов потенциальной опасности и угрозы радикализации отдельных сил внутри них. Вместе с тем, несмотря на сильную актуализацию исламского компонента в региональной жизни, вероятность сепаратистских амбиций в политических кругах этих субъектов крайне низка из-за отсутствия соответствующих политических сил и ресурсов.

В регионах второго типа ислам презентует себя слабо, исламская инфраструктура не развита, спектр деятельности исламских организаций чаще ограничивается сугубо религиозной функцией. Если говорить собственно о внутриисламских факторах, то слабость местного ислама объясняется как историческими особенностями формирования местных мусульманских общин и этноконфессиональным составом современного регионального сообщества, так и размытостью институционального спектра исламских организаций, отсутствием харизматичных исламских лидеров в общине. В то же время власть достаточно благосклонно настроена по отношению к мусульманам и поддерживает их в границах их собственной активности: приглашает для участия в программах, для работы в совещательных органах при областной администрации. Такие отношения характерны, например, для Ульяновской области, которая до 2008–2009 гг. конструировала свою идентичность на основе советского культурного кода («родина Ленина») без каких-либо национально-конфессиональных контекстов. Поэтому религиозные мотивы исламской и христианской культуры не рассматривались в качестве основы формирования региональной идентичности.

В институциональном измерении ума Ульяновской области не является чем-то гомогенным: каждая из трех мусульманских организаций, претендующих на объединение вокруг себя религиозного сообщества, – Центральной духовное управление мусульман, Региональное духовное управление мусульман Ульяновской области (Ульяновский муфтият) в составе ЦДУМ России и Духовное управление мусульман Ульяновской области – не имеет под собой каких-либо серьезных оснований для различий или столкновений по ценностному коду, а значит, старается укрепить зону своего политического влияния. Раскол в мусульманской общине региона затрудняет ее активное включение в процесс формирования региональной идентичности.

В регионе на сегодняшний день слабо развита исламская инфраструктура, рынок исламского туризма практически отсутствует. Исламские лидеры пытаются инициировать раскопки болгарских археологических памятников на территории области и доказать болгарское происхождение Ульяновска, однако до сих пор попытки местных мусульманских активистов не нашли поддержки местной власти.

Ульяновскую область можно отнести к категории «немусульманских» регионов со слабой исламской презентацией, но относительно стабильной государственной поддержкой исламских представительств. Несмотря на дистанцированность регионального бренда от конфессиональной тематики, с подачи доминирующего актора – региональной власти, которая выстраивает политику конструирования цивилизованного «многонационального и многоконфессионального региона», исламский вопрос включается в общественный дискурс.

При этом характер взаимоотношений власти и местных исламских организаций можно охарактеризовать как относительно активный. По словам губернатора Ульяновской области С.И. Морозова: «Ислам является неотъемлемой частью симбирской культуры..» [4]. Региональные власти заинтересованы в сохранении

и поддержании межнационального и межконфессионального согласия в регионе и недопущении конфликтов на религиозной и национальной почве. В связи с чем предпринимаются попытки объединения муфтиятов, институционализации практик их взаимодействия с властью и включения в состав единой структуры – Совета муфтиев России (СМР). Для этого проводятся совместные консультации, совещания как с представителями РДУМ и ЦДУМ, так и с Верховным муфтием России. Между губернатором и мусульманской элитой области сложились тесные доверительные отношения: губернатор регулярно поздравляет мусульман области со всеми значимыми исламскими событиями и часто проводит деловые переговоры и встречи на исламских площадках (мечеть, медресе «Биляр», здание РДУМ). Власти активно поддерживают идею открытия филиала Российского Исламского университета в г. Ульяновске. В 2010 г. между Правительством Ульяновской области и Духовными управлениями мусульман региона было подписано соглашение о сотрудничестве для налаживания тесного взаимодействия. Администрация Ульяновской области оказала поддержку в проведении регионального Съезда мусульманской молодежи в 2006 г., Межрегионального мусульманского форума «Исламская молодежь для будущего России» в 2011 г., приняла участие в Международном саммите исламского бизнеса 2010 г.

К третьей группе относятся регионы с относительно сильной исламской составляющей и дистанцированным взаимодействием региональной власти с исламскими акторами (Санкт-Петербург, Омская область, Пермский край, Тюменская область, Красноярский край, Саратовская область, Республика Алтай). Как правило, в регионах этого типа не все просто с самим исламом, имеются определенные внутриисламские проблемы, которые ограничивают его возможности. Речь идет об институциональном расколе региональной уммы с открытым противостоянием,

часто в двухполюсной модели. Региональные исламские игроки достаточно амбициозны, активно отстаивают свои взгляды, в том числе в российском масштабе (Н. Аширов в Омской области, Ж. Пончаев (1940–2012) и Ш. Мугаттаров в Санкт-Петербурге). Стремление мусульманских лидеров к активному участию в общественно-политической жизни региона не находит должного отклика со стороны региональных властей, которые дистанцированы или в лучшем случае в меру благосклонны к региональному исламу.

Например, довольно сдержанно на исламское присутствие реагируют власти Санкт-Петербурга. На фоне противостояния двух крупных исламских структур в региональном поле (СМР и ЦДУМ) Администрация Санкт-Петербурга придерживается выборочной стратегии и делает ставку на сотрудничество с представителями ЦДУМ. Остальные 11 непризнанных игроков регионального исламского поля объединились в Координационный Совет мусульман (КСМ). В городе уже несколько лет продолжается открытое противостояние между оппозиционным исламом и силовыми и правоохранительными органами (обыски, аресты, судебные иски). Именно оппозиционный ислам демонстрирует большую активность в артикулировании интересов мусульман (развитие исламской инфраструктуры, увеличение числа молельных помещений, борьба с ксенофобией в городе), он более амбициозен, однако и в его среде единство взглядов условно.

Характер взаимоотношения ислама с местной властью во многом определяется политическим курсом региональной элиты, конкурентоспособностью мусульманских лидеров и массовыми настроениями в региональном сообществе. Местные СМИ изобилуют антиисламскими, пренебрежительными высказываниями в адрес верующих. Питерская общественность особенно болезненно реагирует на проведение уличных намазов в период основных исламских праздников, а региональные власти не спешат разрешить про-

блему мирными способами. В последнее время власти города озадачились созданием новой региональной идентичности петербуржца, которая призвана ослабить влияние этнического и конфессионального фактора. Однако этот политический курс требует выработки единых стандартов в культурной политике региональных властей, без тех противоречий, которые существуют на сегодняшний день и которые усиливают существующие противоречия (нивелирование конфессионального фактора нехристианских конфессий и параллельно поддержание православного имиджа Санкт-Петербурга). Пока же в плане межкультурных коммуникаций Петербург не соответствует выдвинутому им слогану «Петербург объединяет людей». Взаимодействие ислама и государственных органов в регионе протекает выборочно, предельно консервативно, с ориентацией на выдавливание исламского компонента из жизни региона. Какие-либо кардинальные изменения в конфессиональной политике регионов этого типа в ближайшее время маловероятны.

Четвертую группу формируют регионы со слабым исламом и слабой господдержкой. Это Псковская и Архангельская области, где удельный вес мусульманского населения не превышает 0,7 % от общей численности населения области. В этих регионах мы наблюдаем слабую институционализацию ислама (Архангельская область) или отсутствие официальных исламских организаций, как в Псковской области. Причины сложившейся ситуации – совокупность нескольких факторов: географического, экономического, демографического, культурно-исторического (удаленность от традиционных исламских ареалов, слабая экономическая привлекательность этих регионов для мигрантов, низкий количественный ресурс ислама и, как следствие, отсутствие сильного исламского актора, а также традиционность общественных настроений с антиисламским вектором). Архангельская и Псковская области, как и некоторые другие регионы этого типа, по-

зиционируют себя в качестве хранителей христианских и русских традиций. Например, Псковская область на своем официальном сайте (www.pskov.ru) позиционирует себя достаточно воинственно и монокультурно как «хранитель русской старины», «оборонительный вал для русской земли», «древнейшая земля русского государства», откуда берет свое начало род Ольги «с вековыми традициями демократии». Религиозный компонент активно включается в региональный брендинг, прежде всего туристический, однако по вышеупомянутым причинам речь идет исключительно о христианских символах. Исламская инфраструктура в этих регионах отсутствует вообще или находится в зачаточном состоянии. В 2003 г. мусульмане Пскова, насчитывающие по разным данным от 5 до 65 тыс. человек, обратились с ходатайством в Администрацию Псковской области о строительстве мечети, но ответа не получили. Второй компонент, государственная поддержка, тоже оказывается слабым, т.е. действует формула «нет ислама – нет взаимодействия».

В то же время в таких регионах могут быть сильными антиисламские настроения среди населения, как в Пскове. Псковские СМИ – Псковская лента новостей и Псковское агентство информации – до сих пор изобилуют исламофобскими клише и собирают многочисленные антиисламские комментарии читателей, что свидетельствует о низкой степени толерантности местного населения к инокультурным традициям и сильным антиисламским настроениям в региональном сообществе: «Пусть псковские мусульмане возвратятся к себе на родину и там строят хоть миллион мечетей... не хватало еще, чтобы муэдзины в Пскове по утрам завывали...» (Livones, 21.07.2011 10:29) [2]. Интересы мусульман в обеих областях лоббируются по этническим каналам (в Псковской области через Азербайджанскую национально-культурную автономию во главе с Рауфом Мехтиевым и Центр чеченской культуры Нийсо, в Архангельской области через Местную

религиозную организацию мусульман (МРОМ) г. Архангельска во главе с Магомед-Мурза Султановым и Местную религиозную организацию мусульман «Нур Ислам» г. Архангельска и Архангельской области под руководством Рима Калимуллина) с привлечением известных внешних нерегиональных героев (в случае с Архангельской областью – М. Шаймиева, Э. Набиуллиной). Перспективы развития регионов этого типа очевидны: здесь любые изменения будут носить длительный характер. В отдаленной перспективе эти регионы могут стремиться ко второй или третьей модели в зависимости от усиления одного из компонентов: либо исламской общины, либо государственного компонента. В процессе таких трансформаций возможны общественные трения, конфликты, любые формы общественной напряженности в период поиска оптимальных форм взаимодействия.

Анализ большой панели регионов позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на декларируемые ценности плюрализма и терпимости в отношении традиционных конфессий России, на региональном уровне представители местной администрации не всегда понимают необходимость такого взаимодействия и сотрудничества.

Исламский компонент в имиджевой политике регионов реализуется с разной степенью интенсивности в зависимости от

культурно-исторического бэкграунда, общественно-политических ориентаций местных элит, специфики сложившихся взаимоотношений Центр-Регион. В то же время активизация исламского фактора в регионах обусловлена амбициями и поведенческими стратегиями мусульманских лидеров, их ресурсами по артикуляции и лоббированию интересов местных мусульман.

Как показывают эмпирические наблюдения, мусульмане «неисламских» регионов, как правило, демонстрируют большую инертность в отстаивании своих интересов, поэтому импульс для перемен в таких случаях исходит от мигрантского ислама. Смена регионального общественно-политического климата в таких регионах во многом зависит от электорального цикла и команды нового губернатора.

Регионы, ориентированные на ислам, активно используют религиозный компонент для репрезентации и создают его позитивные смыслы. Конфессиональная составляющая стратегической политики таких регионов в дальнейшем будет поддерживаться и наращиваться. При этом не следует забывать, что мусульманские сообщества подвержены сильной трансформации ценностей (в том числе и мигранты) в разных регионах с разной степенью активности, а значит, и сама исламская идентичность будет претерпевать сильные изменения.

Библиографический список

1. Мелихов А. Объединение Читинской области с Агинским Бурятским автономным округом: любовь по расчету. – 06.04.2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mediacratia.ru/owa/mc/mc_publications.html?a_id=8591 (проверено 19.06.2013 г.).
1. Баканова М. Ислам в Чечне // <http://assalam.ru/content/story/737> (Дата обращения: 12.04.2013).
2. Мечеть в Пскове // <http://informpskov.ru/news/79125.html> (Дата обращения: 30.07.2011).
3. Михалева А.В. Роль ислама в конструировании региональной идентичности Республики Дагестан // Вестник Пермского университета. Сер.: Политология. – 2011. – № 4. – С. 75–87.
4. Морозов С.И. 1 августа – начало месяца Рамадан // <http://ulgov.ru/news/index/permlink/id/18766/> (Дата обращения: 12.04.2013).
5. Назукина М.В. Исламские праздники как механизм конструирования региональной идентичности в России (на примере Чечни) // Россия и мусульманский мир. – 2011. – № 9. – С. 36–42.
6. Первая леди Чечни организовала в ОАЭ показ исламских нарядов // http://rus.ruvr.ru/2012_03_26/69631448/ (Дата обращения: 18.04.2013).
7. Пресс-служба Президента и Правительства Чеченской республики: «Сердце Чечни» – гордость мусульман всей России // <http://grozny-inform.ru/main.mhtml?Part=8&PubID=9189> (Дата обращения: 13.04.2013).

A. V. Mikhaleva

The article discusses the influence of the Islam factor in the positioning of Russia's regions through the prism of their representation and regional politics. Several ideal type models of the region's positioning with the Islamic component are suggested in the article.

Keywords: regional identity, Islam, construction of identity.

Сведения об авторе

Михалева Альбина Викторовна, кандидат политических наук, научный сотрудник, Отдел по исследованию политических институтов и процессов ПНЦ УрО РАН, 614990, г. Пермь, ул. Ленина, 13А; e-mail: mialba@yandex.ru.

Материал поступил в редакцию 29.05.2013 г.